

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ языки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

1909.

Годъ семнадцатый.

ТОМЪ II.

№ 13.

І Ю Л Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 170.

1909.

Изъ Внутренней Киргизской Орды.

1. Краткія свѣдѣнія объ образованіи Буковской, или Внутренней Киргизской Орды и образъ правленія въ ней.

Еще въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія нѣкоторые киргизы Малой Орды изъ-за Урала прикочевали на то мѣсто, гдѣ теперь расположена Буковская Орда, но вслѣдствіе недовольства на это хана Малой Орды и другихъ султановъ, которымъ переходъ киргизовъ за Уралъ былъ крайне нежелателенъ, такъ какъ они съ отдѣленіемъ отъ нихъ киргизовъ много теряли въ матеріальномъ отношеніи, перекочевавшіе должны были вновь возвратиться за Уралъ (хотя нѣкоторые, кажется, остались здѣсь). Ханъ жаловался на переходъ киргизовъ Зауральскому Наказному атаману и выставлялъ на видъ ему, что они много причиняютъ бѣдъ русскимъ: грабятъ ихъ и даже увозятъ въ плѣнъ; вслѣдствіе сего и было сдѣлано распоряженіе о выселеніи перешедшихъ киргизовъ опять за Уралъ. Но вотъ, наконецъ, въ 1799 году султанъ Букей, сынъ Нурали Хана, просилъ у Императора Павла I разрѣшенія нѣкоторымъ киргизамъ Малой Орды перейти чрезъ Уралъ и поселиться ближе къ Волгѣ и морю Каспійскому. Царскій указъ и разрѣшеніе на то послѣдовали 11 марта 1801 года, въ день вступленія на престолъ Государя Императора Александра Павловича; съ тѣхъ поръ основалась и начала свою жизнь особая киргизская Орда, называемая Буковская, или Внутренняя, первымъ ханомъ которой и былъ Букей. Букей управлялъ ордой до 1815 года — до дня своей смерти; при немъ было 12 биевъ (старѣйшинъ), которые собирались къ нему въ назначенное время для разбора разныхъ дѣлъ, накопившихся у хана. По смерти Букея 3 года хана не было. Въ 1818 году ханомъ былъ избранъ сынъ Букея—Джангаръ, управлявшій ордою до своей смерти, послѣдовавшей въ 1845 году; ханъ этотъ былъ очень любимъ народомъ; при немъ образъ правленія былъ тотъ же, что и при его отцѣ. Послѣ смерти Джангара былъ образованъ временный

совѣтъ по управленію внутреннею киргизскою ордою, первымъ предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ братъ Джангара, Адиль Букеевъ; по смерти Адиля былъ назначенъ старшій русскій совѣтникъ, который фактически замѣнялъ предсѣдателя совѣта, потомъ стали назначать уже русскихъ предсѣдателей, а къ нимъ совѣтниковъ изъ русскихъ и киргизовъ. Въ 50-хъ годахъ Орда была раздѣлена на 7 частей: Камышъ - Самарская, Нарынская, Таловская, Соргунская, Калмыцкая, I Приморскій округъ и II Приморскій округъ; части были раздѣлены на старшинства, но старшинствъ въ частяхъ прежде было больше, чѣмъ теперь, напр., въ Камышъ-Самарской было 52 старшинства; въ 60-хъ годахъ поступило распоряженіе о сокращеніи числа старшинствъ, послѣ чего и постановлено было образовать въ каждой части нижеслѣдующее число старшинствъ: Камышъ - Самарская—16, Нарынская—12, Торгунская—12, Таловская—8, Калмыцкая—7, I Приморскій округъ—16, II округъ—14; послѣ изъ II округа выдѣлено было одно старшинство въ Калмыцкую, въ которой стало 8 старшинствъ, а во II округѣ осталось—13 *). Въ каждой части есть правитель съ канцеляріей, въ которой сосредоточено управленіе частью; при правителѣ есть помощникъ, письмоводитель, два-три депутата, переводчикъ, а также писцы. Въ старшинствахъ главными начальниками являются старшины, которые непосредственно подчинены правителю, но въ должности утверждаются, по избраніи обществомъ, Временнымъ Совѣтомъ по управленію ордою; въ канцеляріи старшины сосредоточено управленіе старшинствомъ. Въ январѣ сего 1909 года старшинства рѣшено подѣлить еще на общества, гдѣ главными начальниками будутъ старосты.

*) По даннымъ свѣдѣніямъ Временнаго Совѣта, отъ 5 марта сего 1909 г. въ частяхъ значится: Камышъ-Самарская—57556 обоого пола, 33 мечети, 11 мусульманскихъ школъ, Нарынская—31238 душъ, 22 мечети, 10 мусульманскихъ школъ, Таловская—31651 душа, 35 мечетей, 14 мусульманскихъ школъ, Калмыцкая—19485 душъ, 19 мечетей, 11 мусульманскимъ школъ, Торгунская—31752 души, 23 мечети, 11 мусульманскихъ школъ, 1-й Приморскій округъ—41915 душъ, 29 мечетей, 5 мусульманскихъ школъ, 2-й Приморскій округъ—29905 душъ, 26 мечетей, 8 мусульманскихъ школъ, а всего 243,502 душъ, 187 мечетей и 70 мусульманскихъ школъ.

II. Краткія свѣдѣнія объ образованіи среди киргизовъ Букеевской Орды.

Желаніе обучаться русскому языку у киргизовъ явилось еще при ханѣ Джангарѣ; 6 декабря 1841 года въ Ханской Ставкѣ и было открыто первое училище, въ которомъ дѣти Букеевскихъ киргизовъ могли учиться русской грамотѣ. Въ 1868—1869 годахъ въ ордѣ было открыто еще 7 участковыхъ школъ М. Н. П., въ каждой части по одной съ интернатами. Этимъ 8-ми школамъ и пришлось быть долгое время единственными свѣточами просвѣщенія на всю орду... Съ 1868 года по 1879 годъ ордынскими школами завѣдывали гг. правители, а не инспекторъ народныхъ училищъ, какъ теперь; само собою понятно, что и учебно-воспитательное дѣло въ школахъ не стояло тогда на должной высотѣ, такъ какъ правители были и сами-то люди малообразованные (или даже и совсѣмъ безъ образованія), въ школьномъ дѣлѣ понимали очень мало и требовали только, чтобы школы давали имъ писарей, да мало-мало порядочныхъ переводчиковъ,—словомъ, школьное дѣло направлялось не умѣлыми руками людей спеціальныхъ, посвятившихъ себя исполнѣ дѣлу народнаго просвѣщенія, а людьми, стоявшими по образованію или ниже учащихся въ школѣ лицъ или на равной съ ними высотѣ...

Съ 1 августа 1879 года былъ назначенъ первый инспекторъ народныхъ училищъ для ордынскихъ школъ, И. А. Муравьевъ. Первымъ долгомъ инспекторъ обозрѣлъ ввѣренныя его надзору школы и нашелъ ихъ въ самомъ печальномъ положеніи; выстроенныя правителями зданія для школъ (изъ сырцоваго кирпича) почти разваливались (какіе строители правители-киргизы, которые сами-то не видали порядочныхъ зданій и совершенно не знакомы со строительнымъ уставомъ); школы были сыры, холодны, угарны, грязны... плохо было содержаніе школъ, плохи недоученные учителя, въ школахъ не было почти никакихъ книгъ, а въ нѣкоторыхъ не было даже и учениковъ—они разбѣгались по ауламъ, такъ какъ нечего было ѣсть, ибо были и такіе правители и попечители школъ, назначаемые правителями же, которые слѣдующія на школы деньги расходовали иногда на себя, а школы оставались безъ провіанта, почему ученики и разбѣгались; были

и такіе случаи, что правители забирали учителей къ себѣ для какой-нибудь переписки, въ школѣ же ученье прекращалось. Въ замѣткахъ о букеевскихъ школахъ бывшаго инспектора А. А. Воскресенскаго описывается такой курьезный случай того времени изъ школьной жизни: „Учитель 2-го Приморскаго округа г. Голстоининъ повытаскалъ изъ шкафовъ книги и учебныя пособія и занялъ полки бутылками съ водкой, вмѣсто столовъ разставилъ бочки съ сахаромъ, разложилъ мѣшки съ мукой и превратилъ, такимъ образомъ, храмъ науки въ кабакъ и лавку“. Трудно, понятно, было сразу поправить учебно-воспитательное и хозяйственное дѣло въ школахъ какъ слѣдуетъ, но мало-по-малу оно стало поправляться. При Никандрѣ Александровичѣ Муравьевѣ орда обогатилась еще однимъ разсадникомъ просвѣщенія—въ Ханской Ставкѣ была открыта въ добавленіе къ 8-ми школамъ еще *женская* русско-киргизская школа М. Н. П., въ которой стали обучаться киргизскія дѣвочки и дѣвочки русскихъ жителей Ставки. Вторымъ инспекторомъ въ ордѣ былъ А. П. Альбановъ (съ 1 дек. 1883 г. по 6 окт. 1886 г.); при немъ число школъ въ Ордѣ не увеличилось, но нѣкоторыя школы были перенесены изъ степи въ поселки, и школьное дѣло въ учебно-воспитательномъ и хозяйственномъ отношеніи продолжало идти впередъ: учителя были уже болѣе подготовленные къ учительской дѣятельности, зданія для школъ стали строиться соотвѣтствующія своему назначенію, хозяйство велось въ школахъ болѣе правильно, чѣмъ при завѣдываніи школами гг. правителей...

Третьимъ инспекторомъ былъ А. Е. Алекторовъ (съ 1886 г. по 1894 г.), при которомъ школьное дѣло въ Ордѣ было поставлено, сравнительно съ отпускаемыми средствами, на должную высоту какъ въ учебно-воспитательномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. При немъ построено солидное зданіе для 2-класснаго русско-киргизскаго училища въ с. Большое Ганюшкино, Красноярскаго уѣзда, Астраханской губерніи, для киргизовъ 1 и 2 приморскихъ округовъ, взамѣнъ 2-хъ участковыхъ **одно-классныхъ** школъ, построено новое хорошее деревянное зданіе для женской школы въ Ханской Ставкѣ (взамѣнъ сгорѣвшаго стараго), и отремонтированы нѣкоторыя изъ участковыхъ школъ.

Большинство учителей въ школахъ (если не всё) были съ спеціальной подготовкой къ учительской дѣятельности; число учащихся въ школахъ увеличилось, нѣкоторые изъ кончившихъ курсъ стали поступать для продолженія образованія въ Оренбургскую учительскую школу, гимназію и др. учебныя заведенія. Но главный толчокъ народному образованію среди киргизовъ Внутренней Орды далъ 4-й инспекторъ А. А. Воскресенскій (съ 1894 по 1906 г.). Принявъ всего 9 училищъ съ 260 учащимися, онъ довелъ число школъ до 33-хъ, въ которыхъ въ 1906 году учащихся было 741 (670 мальчиковъ и 71 дѣвочка; въ числѣ мальчиковъ 570 киргизовъ, 61 русскихъ и 39 татаръ, въ числѣ дѣвочекъ 41 киргизка, 28 русскихъ и 2 татарки). При вступленіи въ должность А. А. Воскресенскаго въ женской школѣ въ Ханской Ставкѣ число киргизскихъ дѣвочекъ сошло, было, на нѣтъ, вслѣдствіе чего она готовилась даже къ закрытію; Алексѣй Андреевичъ довелъ число киргизушекъ до 20, открылъ даже 2 аульныхъ школы для обученія киргизскихъ дѣвочекъ русской грамотѣ. При немъ открыто въ Ордѣ 14 старшинскихъ школъ, средства на содержаніе которыхъ ассигнуются киргизами, открыта русская одноклассная М. Н. П. школа для русскихъ дѣтей Ханской Ставки... Но главнымъ его дѣломъ было устройство капитальнаго зданія въ Ханской Ставкѣ для центрального училища (въ 1901 г., стоящее 26.662 руб. 33 к., средства ассигнованы киргизами); цѣль этого училища готовить киргизовъ-учителей, давать ходъ и развитіе всему школьному дѣлу въ ордѣ, а также знакомить, по возможности, киргизовъ со всѣми необходимыми для нихъ свѣдѣніями; хотя пока въ зданіи центрального училища открыто 4-классное городское училище общаго типа. При А. А. Воскресенскомъ число учащихся въ ордынскихъ школахъ сильно увеличилось, многіе по окончаніи курса стали поступать для продолженія образованія въ Казанскую учительскую семинарію, фельдшерскія школы, гимназіи и др. учебныя заведенія. Любовь къ ученію въ киргизахъ замѣтно усилилась, такъ что они, чтобы научиться русской грамотѣ, стали поступать даже въ церковно-приходскія школы... Въ 1906 году завѣдываніе ордынскими шко-

лами принялъ 5-й инспекторъ, достойный преемникъ А. А. Воскресенскаго, М. В. Филипповъ, который школьное дѣло въ Ордѣ ведетъ умѣлою, опытною рукою.

Свящ. *І. Сиротовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Татарскіе обряды и обычаи при заключеніи брака.

Татары держатся очень возвышеннаго взгляда на брачную жизнь, отдавая ей полное преимущество предъ жизнью небрачною. Бракъ, по предписаніямъ магометанской вѣры, суннать—заповѣдь, которую полезно исполнять, а потому, кто не исполняетъ этой заповѣди, тотъ, по объясненію Ибнъ-Маджа, не можетъ считаться истиннымъ магометаниномъ. Въ виду этого всякій чело-вѣкъ, у кого есть возможность заплатить мехрь—приданое и который надѣется содержать жену, тотъ непременно долженъ жениться. Это—ваджибъ, непремѣнная обязанность. При заключеніи брака не должна смущать чело-вѣка бѣдность. Со словъ Мухаммеда передается: „Если чело-вѣкъ удерживается отъ женитьбы вслѣдствіе бѣдности, онъ не мой“. Для вступленія въ брачную жизнь онъ можетъ занять денегъ, вполне полагаясь на милость Бога, который не оставитъ его Своею помощію въ этомъ добромъ дѣлѣ. Большими преимуществами женатые люди отличаются отъ неженатыхъ даже въ глазахъ Божіихъ. Объ этомъ въ одномъ преданіи говорится слѣдующее: „Если женатый чело-вѣкъ (во время молитвы) исполнитъ два рикаята, то эти два рикаята въ глазахъ Божіихъ выше 80 рикаатовъ, исполненныхъ неженатымъ чело-вѣкомъ“. Въ другомъ преданіи сказано: „Неженатые люди—плохіе люди; они подобны мертвецамъ“. И наоборотъ, въ брачной жизни даже люди исправляются и начинаютъ вести порядочную жизнь. Не напрасно пророкъ заповѣдалъ жениться и размножаться. Женатые люди больше заботятся о сохраненіи и распространеніи вѣры. Умомъ они становятся болѣе благоразумными, а сердце ихъ исполняется благодуміемъ. Они становятся болѣе трудолюбивыми и усердными къ дѣлу, послѣдствіемъ

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщае
ѣхъ во ѡмѣ Оца и Сна и Сѣаго Дха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

1909.

Годъ семнадцатый.

ТОМЪ II.

№ 14.

І Ю Л Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

„Русская Печатня“. Садовая-Триумфальная, д. № 170.

1909.

Изъ Внутренней Киргизской Орды*).

III. Положеніе и бытъ киргизовъ, религіозно-нравственное состояніе, родъ занятій и краткая характеристика.

Вся Внутренняя Орда, какъ сказано выше, раздѣляется на 7 частей. Камышъ-Самарская часть съ востока и сѣверо-востока соприкасается съ землями Казачьяго Уральскаго Войска. Таловская съ сѣвера примыкаетъ къ Новоузенскому уѣзду Самарской губерніи, съ которымъ соприкасается и Торгунская часть, Калмыцкая часть находится смежно съ Царевскимъ уѣздомъ Астраханской губерніи, I Приморскій округъ—съ Красноярскимъ уѣздомъ Астраханской губерніи, а II округъ съ Гурьевскимъ уѣздомъ Уральской области, и только Нарынская часть нигдѣ не соприкасается съ русскими предѣлами. Отъ того или иного положенія киргизовъ въ Ордѣ много зависитъ и ихъ культурное, если можно такъ выразиться, состояніе. Киргизы Таловской, Торгунской и Калмыцкой частей, соприкасаясь съ земледѣльцами, перенимають отъ нихъ мало-по-малу культуру земледѣлія: сѣютъ пшеницу, просо, разводятъ бакши... Киргизы I и II приморскихъ округовъ,

*) Продолженіе. См. „Прав. Благов.“ № 13, 1909 года.

находясь вблизи рыболововъ, научились и сами заниматься рыболовствомъ, они во множествѣ наполняютъ рыбные промыслы Каспійскаго моря. Кромѣ того, киргизы, соприкасающіеся съ русскими предѣлами, естественно чаще входятъ въ сношеніе съ русскими, многіе служатъ у русскихъ въ качествѣ пастуховъ или рабочихъ, нѣкоторые вмѣстѣ съ русскими на рыбныхъ промыслахъ, а отъ русскихъ скорѣе знакомятся съ русской рѣчью, обычаями и даже немного религіей, скорѣе русѣютъ и уже перестаютъ смотрѣть на русскихъ, какъ на какое-то страшилище, кяфировъ и гяуровъ, какъ смотрятъ на насъ киргизы, не выдавшіе русскихъ, особенно поучившіеся въ татарскихъ школахъ и совершенно не знакомые съ нашей религіей.

Семейный бытъ киргизовъ зиждется на патріархальныхъ началахъ: живутъ они большими семьями, во главѣ семьи старикъ (отецъ), который есть полновластный хозяинъ въ семьѣ. Семейной жизни, какъ она понимается у христіанскихъ образованныхъ народовъ, у киргизовъ, кажется, не существуетъ, благодаря незавидному положенію женщины, которая является у нихъ не подругой своего мужа, а скорѣе его слугою, рабыней. Киргизы (и вообще мусульмане) смотрятъ на женщину какъ на низшее существо, какъ на среднее нѣчто между человѣкомъ и животнымъ. На жену смотрятъ они какъ на вещь, игрушку, съ которой мужъ что хочетъ, то и дѣлаетъ. Такой мрачный взглядъ на женщину воспитывается въ нихъ ихъ религіей. Коранъ прямо учитъ, что женщины ниже мужчинъ (кор. 2,228; 4,38), онъ представляетъ легкимъ разводъ мужа съ женой, позволяетъ не только бранить, но и бить женъ, чѣмъ ставитъ послѣднихъ въ страдательное положеніе (кор. 2,220—239; 4,38). Киргизы (да и вообще мусульмане) считаютъ низкимъ для себя посовѣтоваться съ женою насчетъ дѣла, женщина у нихъ находится болѣе на женской половинѣ, гдѣ занята хлопотами по хозяйству (хотя у киргизовъ женщина пользуется большей свободой, чѣмъ у татаръ: она ходитъ открытой, отъ мужчинъ не прячется, разливаетъ даже чай, когда бываютъ гости). Почти все хозяйство у киргизовъ лежитъ на женщинѣ: она и за скотомъ ухаживаетъ, и пищу приготовляетъ, и дрова (сухой пометъ) лѣтомъ собираетъ, и землянку должна вы-

мазать къ осени, она ставитъ и слѣдитъ за кибиткой на лѣтовкѣ и пр. Мужчины же киргизы въ большинствѣ случаевъ очень лѣнны, любятъ побарствовать—они, наѣвшись и напившись, либо спятъ, либо, собравшись кучкой, балагурятъ, особенно же любятъ развѣзжать по гостямъ; лишь завидитъ киргизъ дымокъ въ аулѣ, сейчасъ же садится на лошадь и ѣдетъ на дымокъ, въ надеждѣ поѣсть тамъ мяса, напиться чаю, а то и кумысу, ибо знаетъ, что въ аулѣ пріѣхалъ гость, для котораго и варится мясо. Мнѣ самому приходилось быть у киргизовъ, и вотъ, пока варится мясо (чаще цѣлый баранъ), много соберется сюда этихъ незваныхъ гостей, и всѣ, поздоровавшись съ хозяиномъ и гостями, садятся тутъ же, заводятъ „анеме“ (бесѣду), въ пріятномъ ожиданіи варящагося въ котлѣ барана. Когда мясо сварится, оно все въ большой чашкѣ подается гостямъ, гдѣ находятся и хозяинъ дома и прочіе члены семьи мужчины, здѣсь оно почти все и съѣдается (самому главному гостю подается голова, онъ отрѣзаетъ уши, и передаетъ ее хозяину), женщинамъ же остаются жалкіе остатки мяса да кости...

Изъ бракъ киргизы вступаютъ очень рано, — сосватываютъ дѣтей иногда еще младенцами, а потомъ, по достиженіи ими 10—16 лѣтъ (а иногда и ранѣе, особенно дѣвочки), сводятъ ихъ уже на семейное сожитіе. Мнѣ лично извѣстны два факта, какъ 12—13-лѣтнихъ дѣвочекъ выдавали замужъ чуть ли не за 40-лѣтнихъ киргизовъ; какъ ни плакала одна изъ нихъ, какъ ни рвала на себѣ волосы, бѣдняжка, неистово крича, что не пойдетъ замужъ, ничто не помогло, и она, будучи ребенкомъ, стала женой. Два эти факта были въ Казанкѣ, думаю, что въ степи это бываетъ и чаще. Многіе киргизы женятся на 2-хъ женахъ, на 3-хъ и даже 4-хъ; я знаю одного киргиза, имѣющаго 4-хъ женъ; у киргиза этого довольно много скота, и онъ смотритъ на женъ, какъ на даровыхъ работницъ. Развестись съ женою, взять другую, или опять первую—у киргизовъ очень легко, — три раза у нихъ можно разводиться съ женою и опять брать ее, и только послѣ 4-го развода она должна хотя на короткое время выйти за другого, тотъ долженъ съ ней развестись, и тогда ее можетъ взять опять первый мужъ... Есть и хорошія черты въ семейномъ быту кирги-

зовъ—это почтеніе дѣтей къ родителямъ и вообще младшихъ къ старшимъ. Старики пользуются у киргизовъ большимъ почетомъ, и младшіе стараются во всемъ угождать имъ. Ни одно болѣе или менѣе важное дѣло не обсуждается у нихъ безъ стариковъ.

Религіозно-правственное состояніе киргизовъ не одинаково: киргизы, чаще соприкасающіеся съ татарами и въ аулахъ которыхъ есть мечети и мусульманскія школы, гдѣ руководителями духовной жизни являются фанатики муллы, получившіе воспитаніе въ татарскихъ школахъ, болѣе отатарены, крѣпко держатся своей вѣры, свысока смотрятъ на всѣхъ иновѣрцевъ, считая ихъ людьми погибшими; киргизы же, рѣже встрѣчающіеся съ татарами, меньше слышатъ разной хулы на вѣру христіанскую, или русскую, какъ говорятъ киргизы, они лучше относятся къ русскимъ, слабо знакомы со своей религіей, исполняютъ только обрядность, и то неумѣло и неусердно.

Татары, особенно муллы, пользуются большимъ авторитетомъ среди киргизовъ въ дѣлѣ толкованія религіи, для простыхъ киргизовъ они представляются настоящими столпами ислама, устами которыхъ говоритъ сама мудрость. Посему, во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ жизни, нѣкоторые киргизы рады зазвать къ себѣ татарина, особенно муллу, и готовы уже во всемъ слѣдовать его совѣту; послѣдніе же изъ этого извлекаютъ для себя пользу и всѣ мѣры прилагаютъ, чтобы еще болѣе усилить и расширить это вліяніе. Для этого они стараются подорвать уваженіе и довѣріе киргизовъ къ русскимъ, наговаривая на нихъ разныя небылицы и представляя ихъ непримиримыми врагами ислама. Поэтому-то, если въ противовѣсъ мусульманской пропагандѣ не будетъ въ скоромъ времени усилена въ степи миссіонерская дѣятельность, татары, въ недалекомъ будущемъ, успѣютъ окончательно подчинить своему вліянію всѣхъ киргизовъ, совсѣмъ поработятъ ихъ въ религіозномъ отношеніи и тѣмъ въ конецъ всю степь отатарятъ. И тогда уже гораздо труднѣе и безплоднѣе будетъ въ степи проповѣдь православныхъ миссіонеровъ.

Всѣ киргизы-степняки ведутъ кочевой образъ жизни и занимаются скотоводствомъ, кромѣ того киргизы I и II Приморскихъ округовъ занимаются рыболовствомъ, а Таловской, Торгунской и

Калмыцкой частей начинают помаленьку заниматься и хлѣбопашествомъ. Киргизы, живущіе въ поселкахъ, занимаются торговлей, маклерствомъ, содержаніемъ постоянныхъ дворовъ, занимаются киргизы и извозомъ.

Въ характерѣ киргизовъ есть и хорошія и плохія черты, о чемъ коротенько я и сообщаю на основаніи 15-лѣтнихъ наблюденій за киргизами. Киргизы въ большинствѣ народъ лукавый, лицемерный и дико горячъ, какъ вообще и всѣ почти восточные народы (особенно мухаммедане). Даже образованіе не искореняетъ въ нихъ лукавства и лицемерія, въ большинствѣ же изъ нихъ образованіе развиваетъ еще чрезмѣрную чванливость и даетъ большую практику для сутяжничества и писанія разныхъ доносовъ и прошеній, даже кляузныхъ. Природное лукавство и лицемеріе дѣлаются въ таковыхъ только скрытнѣе. Я знаю одного образованнаго киргиза, который высказывалъ своему начальнику горячую любовь къ святому дѣлу просвѣщенія народа и въ то же время потихоньку подаль прошеніе во временный совѣтъ о назначеніи его киргизскимъ совѣтникомъ или помощникомъ правителя и тоже въ прошеніи высказывалъ, что идетъ на это служеніе изъ любви къ нему...

Киргизы лъстивы, они умѣютъ такъ лстить, особенно людямъ большимъ и вообще отъ кого хотятъ что-либо получить, заслужить, какъ никогда не сумѣетъ русскій, отличающійся прямою. Обманъ и даже лжесвидѣтельство такъ же присущи киргизу, какъ и хитрость; при безсильной злобѣ или по подкупу, что у киргизовъ въ ходу, они способны доказать что угодно, даже подъ присягой, которая у нихъ принимается очень легко. Киргизы дико горячи: при дракахъ у нихъ легко дѣло доходить до ножей, косъ (во время сѣнокоса), если болѣе слабый не можетъ отомстить, то онъ иногда даже наноситъ раны самъ себѣ (понятно, чтобы не было свидѣтелей со стороны его противника), а потомъ подаетъ въ судъ, жалуясь, что такой-то нанесъ ему раны, иногда заручившись даже свидѣтельствомъ на пораненія... Въ бытность мою учителемъ въ одной изъ русско-киргизскихъ школъ Казанки были (и нерѣдко) такіе случаи, что при дракѣ учениковъ потерпѣвшій со зла рѣзалъ свою одежду и потомъ

бѣжалъ ко мнѣ и съ крикомъ и слезами заявлялъ, что такой-то избилъ его, ножомъ изрѣзалъ на немъ одежду и чуть, молъ, не досталъ до тѣла, а иногда даже легонько царапали и тѣло (вотъ до чего горячи и злы киргизы). Есть и хорошія черты въ характерѣ киргизовъ: гостепріимство, привѣтливость, радушіе, довѣріе (больше къ единовѣрцамъ), любовь къ образованію и любознательность—все это такія свойства въ киргизѣ, которыя не позволяютъ этому народу застыть въ невѣжествѣ, а, напротивъ, свидѣтельствуя о способности его, при благопріятныхъ условіяхъ, къ широкому развитію и усвоенію русской гражданственности. Долгъ гостепріимства киргизы считаютъ чуть ли не главнымъ и единственнымъ долгомъ всякаго человѣка. Обыкновенно, куда бы ни поѣхалъ киргизъ, по степи, онъ ѣдетъ безъ всякаго багажа и запасовъ. Во время путешествія онъ свободно, безъ всякаго спроса и разрѣшенія хозяина, заходитъ въ кибитку, въ которой, по родовому обычаю, его должны пріютить и накормить. И хозяинъ съ радушіемъ принимаетъ путника, угощаетъ и всячески занимаетъ его, чтобы гость не скучалъ.

Любовь къ образованію въ киргизахъ годъ отъ году все усиливается, что доказывается тѣмъ, что число учащихся въ школахъ увеличивается, больше киргизовъ идетъ для продолженія образованія и за предѣлы орды.

Любопытство и любознательность очень сильно развиты среди киргизовъ: какъ только пріѣдетъ въ аулъ новый человѣкъ, не успѣетъ хорошенько поздороваться, какъ киргизы засыпаютъ его вопросами: кто? откуда? куда? зачѣмъ? что новаго слышно? если служащій—сколько жалованья получаетъ? и т. п. И готовы чуть ли не нѣсколько часовъ подъ рядъ слушать рассказы пріѣхавшаго; если тотъ замолчитъ, ему предлагаютъ новые вопросы.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Священникъ *Іоаннъ Сиротовъ.*

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ НАУЧИТЕ ВСѢ ЯЗЫКИ, КРѢЩАЩЕ
ИХЪ ВО ИМЯ ОЦА И СНА И СВѢТАГО ДУХА.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

1909.

Годъ семнадцатый.

ТОМЪ II.

№ 15.

АВГУСТЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 170.

1909.

Изъ Внутренней Киргизской Орды *).

IV. Появленіе церквей въ Ордѣ и церковныхъ школъ; миссіонерская дѣятельность; препятствія,—какія мѣры могли бы служить къ возвышенію этой дѣятельности.

Еще при ханѣ Джангарѣ появились въ Ордѣ русскіе люди, прежде всего въ Ханской Ставкѣ, куда они были вызваны ханомъ въ качествѣ разныхъ мастеровыхъ, кузнецовъ, столяровъ, плотниковъ и т. п. Съ учрежденіемъ Временнаго Совѣта по управленію Ордою, въ Ставкѣ стало много русскихъ чиновниковъ, а также больше потянулось сюда русскихъ—искателей заработка и торговаго счастья, такъ что въ 50-хъ годахъ въ Ставкѣ было уже порядочно русскихъ православныхъ людей, но они были лишены духовнаго утѣшенія: не было у нихъ храма, не было и священника, который руководилъ бы ихъ духовною жизнью. Вслѣдствіе сего, не мало было случаевъ, когда взрослые изъ православныхъ умирали безъ исповѣди и Св. Причастія; младенцы безъ крещенія. Правительство, сознавъ крайнюю нужду православныхъ въ Ставкѣ, отпустило средства на наемъ помѣщенія для храма. Храмъ, по нуждѣ, помѣстился въ 3-хъ рядомъ стоящихъ лавкахъ купца Калашникова. 16 іюня 1859 года этотъ бѣдный храмъ былъ освященъ первымъ его священникомъ, пріѣхавшимъ изъ Оренбургской епархіи, о. Николаемъ Агровымъ во имя св. Благовѣрнаго Князя Александра Невского, такъ какъ сей святой угодникъ во время земной своей жизни, какъ данникъ хановъ Золотой Орды, пріѣзжалъ приблизительно въ предѣлы нынѣшнихъ киргизскихъ степей. Далѣе годъ отъ году число русскихъ въ Ставкѣ стало увеличиваться, и правительство отпустило средства на построеніе уже настоящаго деревяннаго храма, который и былъ освященъ въ 1869 году, а въ 1881 году храмъ былъ перечисленъ изъ Оренбургской въ Астраханскую епархію.

*) Продолженіе. См. „Прав. Благов.“ № 14, 1909 года.

Построеніе храма. въ Ставкѣ и начало службы въ немъ и было какъ бы первымъ шагомъ миссіонерской дѣятельности въ Ордѣ, такъ какъ отсюда увидѣли киргизы, что и у русскихъ есть Богъ, есть и служеніе Ему. Послѣ священникъ сталъ законоучителемъ въ школахъ ставочныхъ; когда онъ спрашивалъ русскихъ учениковъ по Закону Божию и когда объяснялъ имъ что-нибудь, слышали, вѣроятно, нѣкоторые изъ киргизовъ, заходили, надо полагать, иногда нѣкоторые изъ киргизовъ и въ храмъ посмотрѣть наше Богослуженіе, и вотъ результатомъ отчасти сего, въ концѣ 80-хъ или въ началѣ 90-годахъ, у одного киргиза Базара, прислуживавшаго у г. предсѣдателя Совѣта (Хвостова) и одной киргизушки, ученицы женской школы, Канины, явилось желаніе принять православіе; оба они и были просвѣщены св. крещеніемъ въ г. Астрахани, первый былъ названъ Павломъ, а вторая Ольгой. Павелъ пріѣзжалъ потомъ въ Ставку, былъ пристроенъ на пожаркѣ, но киргизы, возбуждаемые, надо полагать, татарами, учинили противъ него заговоръ, чтобы убить его,—узнавъ объ этомъ, начальство перевело его на службу въ г. Царевъ Астрах. губерніи, а Ольга Константиновна Иванова была долгое время экономкой въ имѣніи князя Вяземскаго на Грязе-Царицынской желѣзной дорогѣ.

Въ 70-хъ годахъ минувшаго XIX столѣтія въ Ордѣ образовалось еще два поселка: Новая Казанка (названная, вѣроятно, такъ потому, что въ ней поселились первоначально казанскіе татары, киргизы же его называли „жанъ калч“, что значитъ „новый городъ“) и Таловка, въ которыхъ первыми жителями были татары и киргизы, но потомъ стали селиться и русскіе. У татаръ сразу явились и мечеть и школы, гдѣ дѣти ихъ воспитывались въ строгой буквѣ ислама, но русскіе долгое время лишены были и храма и школы, гдѣ бы могли обучаться истинной своей вѣрѣ. Умреть ли мусульманинъ, родится ли, мумла совершаетъ положенное моленіе и обряды, а православнымъ приходилось хоронить своихъ братьевъ безъ напутствованія священника, младенцевъ крестили нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а то и году, бывали случаи, что дѣти умирали даже и некрещеными. Приходили, бывало, мусульманскіе праздники „Рамазанъ“, „Кур-

бань“, толпами спѣшать татары и киргизы въ мечети,—приходить великій христіанскій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, Рождество Христово... и некуда идти православнымъ помолиться. Тяжело было; и не обходились нѣкоторые безъ слезъ, чему я былъ свидѣтелемъ, такъ какъ жилъ въ Казанкѣ 4 года безъ храма. Но хуже всего было то, что многіе русскіе люди, лишенные всякихъ средствъ религіознаго воспитанія и назиданія, стали забывать самое дорогое для русскаго человѣка—вѣру Христову и перенимать нравы и обычаи бусурманскіе, посты соблюдали очень рѣдкіе, многіе стали ѣсть лошадиное мясо, носить киргизскую одежду, обѣдать по-киргизски—сидя на полу и проч. Приведу одинъ тяжелый фактъ изъ того времени, когда не было въ Казанкѣ храма: умеръ здѣсь одинъ православный, содержатель постоялаго двора, Новиковъ; пораженная горемъ жена его обратилась къ работнику-мусульманину: „Что дѣлать?“ Тотъ, не долго думая, отвѣтилъ: „надо позвать муллу“ и побѣждалъ. „Собака собачья смерть,“—отвѣтилъ мулла на приглашеніе работника... Изъ сказаннаго видно, насколько тяжело было положеніе православныхъ въ этихъ поселкахъ, которые вмѣсто того, чтобы быть свѣтильниками вѣры Христовой среди инновѣрцевъ, сами-то стали подпадать вліянію мусульманской пропаганды...

Въ началѣ 90-хъ годовъ тяжелое положеніе православныхъ въ Казанкѣ въ религіозно-правственномъ отношеніи описано было учителемъ К. П. Пирожковымъ въ письмѣ къ своему бывшему директору, извѣстному просвѣтителю инородцевъ, Н. И. Ильминскому. Пирожковъ отъ лица всѣхъ русскихъ жителей поселка просилъ Ник. Ивановича помочь имъ въ ихъ горькомъ положеніи. Николай Ивановичъ написалъ объ этомъ Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву... Въ 1899 г. русское населеніе Казанки и Таловки было утѣшено радостнымъ извѣстіемъ Св. Синода, который, принявъ во вниманіе печальное положеніе православныхъ и въ видахъ миссіонерскихъ,—отпустилъ на построеніе храма въ Казанкѣ 24.000 руб., а въ Таловкѣ—12.000 руб. 11 мая того же года въ присутствіи г. Начальника губерніи въ Казанкѣ было освящено мѣсто для храма и

совершена закладка, а осенью 1897 года оба храма были готовы,— въ мартѣ 1898 года храмы были освящены. Дни освященія были свѣтлымъ радостнымъ праздникомъ для православныхъ, всѣ— старые и малые собрались въ храмъ. Не мало собралось сюда и киргизовъ: одни изъ нихъ заглядывали въ окна и двери, а нѣкоторые зашли и въ храмъ.

Храмы освящены. Началась служба Богу Живому и Истинному... И увидѣли киргизы, что и у насъ есть Богъ, есть и служеніе Ему.

Въ пос. Таловкѣ съ первой же осени (1898 г.) была открыта священникомъ и церковная школа, въ которую кромѣ русскихъ поступило потомъ 2—3 киргизовъ. Года чрезъ 3—4 изъ Таловской школы было отправлено нѣсколько киргизятъ въ 2-классную Миссіонерскую школу въ Калмыцкомъ Базарѣ. Далѣе число киргизятъ въ Таловской школѣ не увеличивалось, а стало уменьшаться, думаю, потому, что тамъ нѣтъ приспособленнаго зданія подъ школу, школа помѣщается въ наемномъ помѣщеніи, понятно, не соответствующемъ своему назначенію; кромѣ того число русскихъ учениковъ тамъ доходитъ до 65—70 человекъ, почему въ школѣ страшная тѣснота, которая тоже можетъ служить причиной уменьшенія киргизятъ,—но главное, пожалуй, киргизятъ туда отдають мало потому, что при школѣ нѣтъ пріюта, почему отдавать въ нее дѣтей степнымъ киргизамъ довольно трудно, такъ какъ ихъ приходится родителямъ содержать на квартирахъ, что сопряжено съ порядочнымъ расходомъ, и киргизъ, чтобы избѣжать сего расхода, отдаетъ лучше сына въ Миссіонерскую школу, при которой есть пріютъ на 20 человекъ. Кромѣ школы таловскій священникъ, какъ и казанскій, при случаѣ велъ бесѣды съ киргизами и татарами; священникъ Казанки, покойный о. Лѣповъ, даже по ночамъ готовилъ одного татарина, служившаго работникомъ у русскихъ, ко св. Крещенію, о чемъ узнали татары, на готовящагося было сдѣлано въ одну ночь противъ мечети съ медресой (вѣроятно, шакирдами) покушеніе, ножомъ сильно изрѣзали одежду, самъ же онъ убѣжалъ; онъ ходилъ долго, но потомъ вдругъ его потребовали на родину;

думали, что татары здѣшніе дали знать туда о его намѣреніи перейти въ православіе, почему его и потребовали. Этотъ тагаринъ все-таки потомъ крестился въ солдатахъ, о чемъ онъ писалъ сюда своимъ бывшимъ хозяевамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Священникъ *Іоаннъ Сиротовъ*.

Краткая характеристика инородческаго прихода въ низовомъ краѣ (Тобольской еп.).

Главнымъ предметомъ моего описанія будетъ свой приходъ *Полноватскій*. Но такъ какъ всѣ приходы низового края имѣютъ во всѣхъ отношеніяхъ много общаго, то „Полновать“, въ частности, можетъ служить общей характеристикой и для всѣхъ другихъ инородческихъ приходовъ Березовскаго края. Разница будетъ лишь въ нарѣчій, названіи приходовъ и рѣкъ, да еще въ томъ, что въ приходахъ, соприкасающихся съ русскимъ населеніемъ, происходитъ „обрусѣніе“. Инородцы тамъ болѣе приобрѣтаютъ навыкъ въ русской разговорной рѣчи, а это помогаетъ имъ усваивать русскіе обычаи, привычки и, понемногу, измѣнять свой образъ жизни. Такимъ образомъ, здѣсь создаются другія условія и обстановка жизни, происходитъ, такъ сказать, „вымираніе всего остяцкаго“ въ отношеніи нарѣчія, домашняго быта и нѣкоторыхъ языческихъ религіозныхъ обрядностей.

Географическое положеніе и природа всѣхъ инородческихъ приходовъ—за исключеніемъ с. Мужей и Цекуры, гдѣ большею частью тундра—вездѣ одинаковое: гора или островъ, рѣка, лѣсъ... Села названія получили, очевидно, отъ орошающихъ ихъ рѣчекъ: Полновать, Ляпинъ, Сосва, Сортынъ, Кушевать, Малый Атлымъ и т. д.

С. *Полновать*. Живописная природа этого мѣстечка привлекаетъ вниманіе многихъ случайныхъ посѣтителей Полновата. Небольшой островокъ, — 4 и 7 верстъ, — обросшій лиственницей, кедромъ и др. хвойными деревьями, даетъ самый здоровый, легкій, всегда свѣжій и пріятный воздухъ. Рѣки, орошающія его со всѣхъ

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщае
ихъ во имя Оца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

1909.

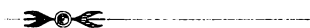
Годъ семнадцатый.

ТОМЪ II.

№ 16.

АВГУСТЪ.

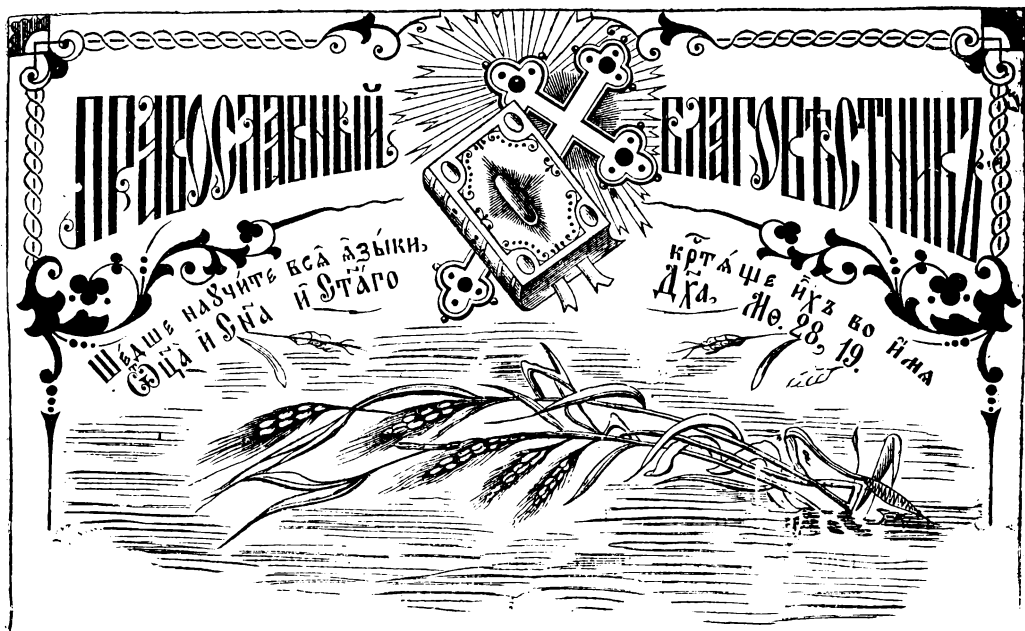
КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

„Русская Печатня“, Садовая-Триумфальная, д. № 170.

1909.

Изъ Внутренней Киргизской Орды *).

Теперь сообщу о своей школѣ, ея просвѣтительной дѣятельности, препятствіяхъ, чтеніяхъ при ней съ туманными картинами и продажѣ книгъ. Вскорѣ по освященіи храма въ Казанкѣ явилась вторая неотложная нужда: не было здѣсь школы, гдѣ бы подрастающее поколѣніе могло научиться истинамъ вѣры православной. Въ поселкѣ было двѣ Министерскихъ русско-киргизскихъ школы, но въ нихъ обучались почти одни киргизы, русскихъ было очень мало,—только съ 1894 года нѣкоторые русскіе начали отдавать дѣтишекъ въ одну изъ школъ, учителемъ въ которой состоялъ я; но пользы отъ обученія въ этой школѣ въ религіозномъ отношеніи было мало, такъ какъ въ ней не преподавалось ни Закона Божія, ни славянскаго языка—главныхъ предметовъ русской школы (приходилось этими важными предметами заниматься съ русскими урывками: гдѣ въ перемѣну, гдѣ немного въ другое время). Когда пріѣхалъ сюда священникъ ко вновь освященному храму, онъ замѣтилъ, что русскіе дѣти поселка почти не обучаются Закону Божію, почему во время ревизіи школъ въ 1898—1899 уч. году инспекторомъ А. А.

*) Окончаніе. См. „Прав. Благов.“ № 15, 1909 года.

Воскресенскимъ, онъ подалъ было прошеніе о назначеніи его законоучителемъ въ школу, но А. А. Воскресенскій предложилъ ему возбудить вопросъ объ открытіи въ Казанкѣ церковно-приходской школы, обѣщаясь оказать ему въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе... Въ маѣ мѣсяцѣ 1899 г. Епархіальнымъ Комитетомъ Прав. Мис. Общества было прислано на построеніе школы 500 р., 200 р. дало общество, и въ октябрѣ была готова хорошая школа изъ сырцоваго кирпича подъ земляной крышей, въ октябрѣ же она была освящена, и начались занятія при 18 русскихъ ученикахъ (мальчики и дѣвочки), поступилъ было одинъ киргизенокъ, но по внушенію кого-то отецъ взялъ его изъ школы и отдалъ въ Нарынскую школу М. Н. П.

Въ 1902 году, уже по моей просьбѣ, Миссіонерскимъ Комитетомъ были отпущены средства на замѣну земляной крыши на школѣ желѣзною, а въ 1907 году было отпущено еще 726 р. 50 к. на расширеніе школы, такъ что теперь школа помѣщается въ прекрасномъ зданіи, имѣющемъ въ длину 33 арш., а въ ширину 15½ арш. Въ 1901 г. я былъ назначенъ священникомъ въ Казанку, гдѣ ранѣе я былъ только учителемъ, а съ освященія храма и и. д. псаломщика. По пріѣздѣ сюда я обратилъ вниманіе на то, чтобы не прервать прежнихъ отношеній съ киргизами,—стали располагать ихъ къ новой школѣ. Поступило въ школу первый же годъ два киргиза: одинъ изъ жителей Казанки, другой изъ аула, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ Казанки. Въ отчетѣ за 1901 годъ я возбудилъ ходатайство предъ Комитетомъ объ учрежденіи хотя на 1-й случай 5 стипендій при школѣ для киргизятъ. Комитетъ сочувственно отнесся къ сему; въ 1903 году были отпущены средства, далѣе число степендій было увеличено до 10-ти, каковыя всегда были заняты, кромѣ того ежегодно обучается 3—4 киргизина приходящими съ квартиръ. Открытію пріюта при школѣ для киргизятъ я придаю въ интересахъ миссіи важное значеніе, такъ какъ киргизята при воздѣйствіи на нихъ школы часто въ русскомъ духѣ, находясь вмѣстѣ съ русскими учениками, скорѣе знакомятся съ русской рѣчью, мало-по-малу перенимаютъ русскіе обычаи, а такъ же слышатъ ежедневно христіанское ученіе (урокъ Закона Божія съ русскими

учениками), а уѣзжая на каникулы и праздники въ аулы родителей, рассказываютъ и имъ и прочимъ одноаульцамъ о томъ, что видятъ и слышатъ въ школѣ и такимъ образомъ мало-помалу разносятъ Свѣтъ Христова ученія по обширной киргизской степи, такъ какъ ученики есть за 50 и даже 100 верстъ отъ поселка. Пріютъ полезенъ и въ томъ отношеніи, что киргизята находятъ всегда подъ руководствомъ священника и учителя, меньше имѣютъ сношеній съ татарами и отатарившимися киргизами, для которыхъ такая школа съ пріютомъ—бѣльмо на глазу, меньше слышатъ хулы на вѣру Христову; ближе себя чувствуютъ какъ ученики, такъ и ихъ родители къ священнику и учителю, почему послѣднимъ въ лѣтнее время хорошо поѣхать къ нимъ въ гости, какъ къ знакомымъ, гдѣ можно вести и бесѣды... Киргизята, поучившіеся въ нашей школѣ, не смотрятъ уже на насъ какъ на кяфировъ и гяуровъ, какъ смотрятъ на насъ татары и киргизы, особенно поучившіеся въ киргизскихъ школахъ.

До 1909 года въ нашей школѣ окончило полный курсъ ученія 4 киргиза, одинъ изъ нихъ поступилъ для продолженія образованія въ Ставочное 4-классное городское училище, а одинъ, окончивъ въ маѣ 1908 года съ похвальнымъ листомъ, остался еще на годъ при школѣ, и сейчасъ помогаетъ учителю, особенно при занятіяхъ съ киргизами.

Татары здѣшніе и отатарившіеся киргизы сильно мѣшаютъ просвѣщенію киргизовъ въ христіанско-русскомъ духѣ, сами они боятся русской школы, и киргизовъ всячески удерживаютъ отъ нея, наговаривая дѣтямъ и ихъ родителямъ разную ложь о школѣ, будто и въ солдаты-то изъ нея киргизовъ будутъ брать и крестить-то ихъ и проч., татары-торгаши останавливаютъ учениковъ прямо на улицѣ, называютъ ихъ „чокунчикъ“, т.-е. крещеный, запугиваютъ, а ученики иногда вечеромъ и сообщаютъ мнѣ объ этомъ,—понятно, я разубѣждаю ихъ въ наговорахъ татаръ. О противодѣйствіи нашей школѣ со стороны татаръ и отатарившихся киргизовъ видно будетъ, между прочимъ, изъ нижеслѣдующихъ фактовъ: утромъ 25 января 1905 года одинъ изъ приходящихъ учениковъ-киргизовъ сталъ было сдавать книги (Тенгель Мурзаганіевъ), говоря, что больше не хочетъ учиться. И

книги не принявъ, велѣлъ ему садиться на мѣсто, а самъ пошелъ въ домъ его отца, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Мурзаганій принявъ меня какъ гостя, велѣлъ поставить самоваръ; я сѣлъ на указанное мнѣ хозяиномъ почетное мѣсто. Поговоривъ немного—я сказалъ Мурзаганію о главной цѣли своего прихода къ нему. Изъ другой половины дома къ намъ вошло еще 3—4 киргиза, зашелъ сосѣдь, Абишъ; на мой вопросъ, почему сынъ его вздумалъ бросать учиться—Мурзаганій отвѣтилъ откровенно, что ему и его сыну наговорили (главнымъ образомъ въ эту зиму агитировалъ противъ школы и вообще всего русскаго пріѣзжій татаринъ Даумъ Усмаповъ, бывший мулла города Хвалынска, Саратов. губ., котораго потомъ отсюда выселили), что киргизатамъ въ нашей школѣ даютъ книги съ крестами (св. Евангеліе и книги Н. И. Ильминскаго), а также будто и ученье въ нихъ во многомъ не согласно съ ихъ закономъ (т.-е. мухаммеданствомъ). На это я отвѣтилъ:—если, молъ, бросать ученье только потому, что въ нѣкоторыхъ учебникахъ у насъ есть кресты, то это глупо, развѣ твой сынъ сразу сдѣлается христіаниномъ, если поносить 3—4 года книгу съ крестами; я самъ имѣю вашъ коранъ, однако отъ этого мусульманиномъ не сдѣлаюсь, да если такъ, то нельзя учиться ни въ одной школѣ, а польза отъ ученья киргизамъ уже извѣстна. Почему нельзя?—спросилъ Мурзаганій. Я сказалъ, что въ каждой школѣ въ числѣ учебниковъ бываютъ книги съ картинami, тамъ, можетъ, нарисованъ городъ или село, гдѣ будетъ и церковь, а на церкви уже обязательно и крестъ... Мурзаганій разсмѣялся и согласился, что это правда, и что поэтому бросать ученье не слѣдуетъ. Тогда я перешелъ ко второй причинѣ, вслѣдствіе чего сынъ его бросилъ было ученье. Я сказалъ, что твой сынъ хотѣлъ бросить ученье потому, что тебѣ и ему наговорили, будто ихъ въ школѣ обучаютъ христіанскому закону и хотятъ сдѣлать русскими, но я скажу, чему мы учимъ дѣтей въ школѣ: въ книгѣ, которая есть у твоего сына и которая соблазняетъ васъ (II книга Н. И. Ильминскаго) есть рассказы объ Авраамѣ, Іосифѣ, Моисѣ... развѣ намъ не нужно знать, какъ жили эти праведники, чтобы и самимъ по мѣрѣ силъ подражать имъ? Мурзаганій сказалъ, что нужно, у насъ, говорить, и

въ коранѣ объ нихъ тоже есть; я продолжалъ—ну, а если мы читаемъ „инжилъ“ (Евангеліе), гдѣ говорится, что Бога нужно любить больше всего, всякаго человѣка, какъ самого себя, не дѣлать другимъ того, что самому не нравится, почитать родителей... развѣ это плохо? Тогда не только Мурзаганій, но и жена его, которая приготавлила чай, сказала, что это очень хорошо и что ихъ сынъ будетъ учиться у меня въ школѣ (весною 1908 г. Мурзаганіевъ окончилъ курсъ и получилъ свидѣтельство). Во время чая я объяснилъ пользу отъ обученія русской грамотѣ, говорилъ Мурзаганію, чтобы онъ не вѣрилъ глупымъ людямъ, которые и сами-то боятся свѣта и другихъ стараются удержать отъ него... Подъ конецъ чаепитія рѣчь зашла о многоженствѣ,—Мурзаганій, шутя, а, быть-можетъ, и вправду, сказалъ:—„мулла, я хочу взять вторую жену, какъ ты посовѣтуешь?“—Я сказалъ, что не совѣтую, если, молъ, и „съ одной-то женой все бываетъ, то что будетъ при двухъ“—всѣ разсмѣялись. Потомъ я спросилъ Мурзаганія—сколько Богъ сотворилъ женъ Адаму, онъ отвѣтилъ, что одну,—ну, и тебѣ не совѣтую брать другую... Потомъ, поблагодаривъ хозяина, я сталъ собираться домой.

Подобный же случай былъ 1-го апрѣля того же 1905 года: ученикъ старшаго отдѣленія Гумаръ Сабаровъ, со слезами на глазахъ, сталъ мнѣ сдавать книги. На мой вопросъ,—что это значитъ, онъ отвѣтилъ, что къ его отцу съ матерью пришли три татарина: Рахметжанъ, Нуретдинъ и Джуманій и наговорили имъ, что я въ школѣ и Богу молюсь по-русски и молитвы читаю (большинство киргизовъ дѣйствительно молитвы знаютъ, хотя ихъ никто дословно учить не заставляетъ) и въ церковь будто ходимъ и будто меня хотятъ крестить,—ругали отца и велѣли ему взять меня изъ школы. Я сказалъ отцу, что все это неправда, но родители мои не повѣрили и велѣли сдать книги. Я книги не взялъ, а самъ пошелъ къ родителямъ его и разубѣдилъ ихъ въ наговорахъ татаръ; Сабаровъ извинился предо мною и оставилъ сына въ школѣ; теперь онъ окончилъ курсъ и учится въ Ставочномъ 4-классномъ училищѣ. Особенно сильная агитація противъ обученія киргизятъ въ нашей школѣ была въ 1908 году; большую роль въ этомъ игралъ бывшій „хольфе“ изъ медресе ахуна

Галикеева, Нигматулла Ибрагимовъ, который добился того, что 17 марта два ученика средняго отдѣленія Дошанъ Довтемьяровъ и Елешъ Сукелевъ, оставивъ въ школѣ книги, убѣжали изъ школы въ аулы родителей. Но 23 марта ко мнѣ явился отецъ Дошана, онъ же дядя Елеша, и просилъ простить ихъ и опять принять въ школу, говоря, что ихъ сбиль на это Ибрагимовъ. Я, побесѣдовавъ съ нимъ о пользѣ ученія и сказавъ, чтобы впредь не вѣрили всякому, велѣлъ привезти. И теперь оба эти бѣглеца учатся въ старшемъ отдѣленіи школы. Съ 1-го сентября 1908 года, съ разрѣшенія Епархіальнаго Комитета, вздумалъ было открыть при своей школѣ женскую школу грамоты для обученія киргизскихъ дѣвочекъ учебной грамотѣ, признавая дѣло это въ цѣляхъ миссіи и обрусѣнія края полезнымъ, но къ сожалѣнію дѣло это не привилось, несмотря на всѣ мои старанія. Чтобы набрать киргизушекъ, я ходилъ по киргизскимъ землянкамъ, и съ дѣвицей, которую выбралъ было учительницей, и съ учителемъ Умиргалиемъ Айтномоевымъ, объяснялъ киргизамъ пользу обученія дѣвочекъ обѣщалъ учить ихъ рукодѣлю... киргизы со мной соглашались, но ученицъ все-таки не набиралось; только одна аккуратно мѣсяцъ ходила въ школу, двѣ приходили по одному дню. Позанявшись съ одной киргизкой (были еще 2 русскихъ дѣвочки) мѣсяцъ, пришлось дѣло прекратить. Мнѣ хорошо извѣстно, что въ этомъ много старались мѣшать татары и отатарившіеся киргизы. Многіе киргизы согласны были отдать, даже 1 сент. нѣкоторые записались, а потомъ вдругъ раздумали. Нѣкоторые на вопросъ учительницы: почему же они не посылаютъ дочерей? Отвѣчали, что не велитъ мулла, говорить, что въ русской школѣ мусульманамъ учиться грѣхъ (а для киргизъ чуть ли ни каждый татаринъ мулла).

Чтобы хотя немного усилить просвѣтительную дѣятельность школы, я, благодаря бывшему отцу благочинному, свящ. Петру Діаконову, приобрѣлъ хорошій волшебный фонарь для школы со множествомъ картинъ. На это было отпущено 150 руб. Астраханскимъ Губернскимъ Комитетомъ Общества о народной трезвости и 28 рублей израсходовано мѣстнымъ церковно-приходскимъ попечительствомъ. Фонарь много привлекъ на чтенія посѣтителей, въ числѣ

которыхъ появились и киргизы. Всегда почти, когда бываютъ киргизы, я ставлю картину „Исцѣленіе Тайдуллы св. Алексіемъ“ и сообщаю о семъ событіи коротенько, какъ говоритъ исторія, ставится также картина „Звѣрство турокъ въ Болгаріи“. Предъ портретомъ Государя Императора почти всегда поется „Боже Царя Храни“...

Особо важное значеніе въ интересахъ миссіи и обрусѣнія края я придаю открытію при школѣ продажи книгъ на русскомъ, киргизскомъ и татарскомъ языкахъ съ 1-го сентября 1906 г.; это мнѣ хотѣлось завести съ первыхъ же годовъ назначенія меня священникомъ въ Казанку, но, за неимѣніемъ средствъ, осуществить это полезное дѣло пришлось только въ 1906 г. Это заведено мною отчасти въ противодѣйствіе мусульманско-татарской пропагандѣ, тысячами распространяющей среди киргизовъ свои книги чрезъ продажу почти въ каждой татарской лавкѣ, прямо по улицамъ, а также на Ханской ярмаркѣ (9 мая и 14 сент.) и отчасти въ противовѣсъ разной антирелигіозной и социалистической литературѣ, во множествѣ распространяемой теперь среди народа. Въ вопросѣ о татаризаціи киргизовъ этой татарской книжной торговлѣ слѣдуетъ отвести видное мѣсто, такъ какъ въ связи съ торговлею книгами татары сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ и ихъ изданіе и, такимъ образомъ, владѣютъ фактически важнымъ орудіемъ вліянія на киргизовъ въ желательномъ духѣ и направленіи, укрѣпляя ихъ въ исламѣ и возбуждая въ нихъ интересъ къ подражанію мусульманско-татарской жизни. Съ 1-го сентября 1906 г. по 1-е сентября 1907 г. разошлось до 400 экз., а второй годъ до 700 экземпляровъ христіанско-русской книги въ степи. Киргизы особенно много покупаютъ книгъ для обученія русскаго языка и учебники, но покупаютъ и религіозныя до св. Евангелія на своемъ языкѣ включительно. Нѣкоторыя мелкія брошюрки раздаются при покупкѣ бесплатно.

Кромѣ школы я и другіе священники въ Ордѣ старались, по мѣрѣ силъ своихъ, сблизать киргизовъ съ кореннымъ населеніемъ отечества и чрезъ бесѣды, каковыхъ въ теченіе года бываетъ немного, какъ краткихъ, такъ и пространныхъ; дѣлаются иногда, хотя и рѣдко, поѣздки въ степь съ проповѣдью Св. Евангелія киргизамъ; во время поѣздокъ я раздаю мелкія брошюры

грамотнымъ киргизамъ. О всемъ этомъ ежегодно сообщается въ годовомъ отчетѣ въ Епархіальный Миссіонерскій Комитетъ.

Въ 1904 году въ Казанкѣ мною просвѣщено св. крещеніемъ два мухамеданина: зѣрнесъ Махмутъ Абанеровъ, нареченный Дмитріемъ, и татаринъ Сафъ Янбеловъ, названный Николаемъ; послѣдній сейчасть проживаетъ въ г. Новоузенскѣ, Самарск. губ., а Дмитрій Абанеровъ въ Казанкѣ, женатъ на русской дѣвицѣ, имѣетъ сына Сергія и дочь Анну.

Склонности къ принятію христіанства, или русской вѣры, какъ говорятъ киргизы, въ киргизахъ пока не замѣчается, исключая единичныхъ случаевъ, но послушать религіозную бесѣду они не прочь. Кромѣ вышепоименованныхъ становъ въ Ордѣ есть еще одинъ миссіонерскій причтъ—это на Трехъ-Братинской Косѣ, что на побережьи Каспійскаго моря, гдѣ въ 1902 году мѣстными рыбопромышленниками построенъ прекрасный храмъ, съ домами для причтовъ и деревянной роскошной школой; вся эта постройка обошлась имъ до 60000 рублей; въ школѣ вмѣстѣ съ русскими обучались и киргизы (8—10 человѣкъ), но въ 1907—1908 году число киргизятъ сильно уменьшилось (до 2—4), почему Комитетъ, отчасти и по неимѣнію средствъ, вынужденъ былъ закрыть открытый было при школѣ пріютъ для киргизятъ. Уменьшеніе числа киргизятъ въ этой школѣ можно объяснить отчасти тѣмъ, что рыболовное дѣло тамъ годъ отъ году падаетъ, почему и жители оттуда, въ числѣ которыхъ и киргизы, откочевываютъ въ другія мѣста, а отчасти, пожалуй, и потому, что неподалеку отъ Косы открыта мусульманская школа, которая тоже, понятно, сильно противодѣйствуетъ обученію киргизовъ въ церковной школѣ.

Теперь ообщу коротенько о препятствіяхъ миссіонерской дѣятельности въ Ордѣ и о томъ, какія бы мѣры могли служить къ возвышенію ея. Къ числу препятствій можно отнести слѣдующее: а) множество въ степи и поселкахъ мусульманскихъ школъ, сильно парализующихъ дѣятельность православной миссіи и вообще христіанско-русское вліяніе; руководители сихъ школъ, фанатики муллы, ревниво оберегаютъ своихъ питомцевъ отъ всего, не согласнаго съ духомъ ислама, особенно отъ русской школы, тѣмъ паче отъ церковной со священникомъ во главѣ; во всѣхъ

этихъ школахъ дѣти воспитываются въ строгомъ духѣ ислама, въ ненависти къ христіанству и вообще всему не мусульманскому; въ нѣкоторыхъ школахъ сами муллы крайне невѣжественны, не знакомые даже хорошенъко и съ исламомъ, не говоря уже о какихъ-либо наукахъ, вотъ они-то и набиваютъ головы своимъ питомцамъ разными бреднями, сообщая разную ложь за чистую правду, что мною подтверждено интереснымъ примѣромъ изъ школьной жизни въ статьѣ „Мусульманская пропаганда среди народовъ Букеевской Орды“, помѣщенной въ № 8 „Православнаго Благовѣстника“ за 1904 годъ; б) множество проживающихъ въ поселкахъ татаръ, сильно мѣшающихъ дѣлу просвѣщенія; мало того, что татары въ поселкахъ отатариваютъ киргизовъ, они выѣзжаютъ еще съ товарами въ степь, гдѣ уже стараются обнаружить всю свою мудрость предъ киргизами, имѣя въ виду черезъ это побольше отъ нихъ поживиться; здѣсь они и лѣчатъ, и отчитываютъ, и наговариваютъ — чѣмъ и наживаютъ, пожалуй, больше, чѣмъ продажей своего мелочного товара; в) плохо и то, что въ Казанкѣ и Таловкѣ нѣтъ православнаго русскаго начальства, обращаться же къ мухаммеданину священнику иногда не только не полезно, но вредно; г) малое количество миссіонерскихъ становъ и пунктовъ въ Ордѣ; что могутъ сдѣлать какихъ-нибудь 4 пункта въ степи, занимающей до 6717,014 десятинъ съ населеніемъ до 250,000 душъ? Вѣдь на каждый пунктъ православной миссіи придется нѣсколько десятковъ становъ мусульманской пропаганды, парализующихъ дѣятельность становъ православной миссіи; д) плохо и то, что священники нѣкоторыхъ становъ и ихъ ближайшіе помощники не знакомы съ киргизскимъ языкомъ, мало знакомы съ жизнію киргизовъ, ихъ религіозными вѣрованіями; е) неимѣніе священниками становъ средствъ на разѣзды по степи съ проповѣдью св. Евангелія киргизамъ, только священникъ Казанки имѣетъ на это средства, отпущенныя Комитетомъ; ж) нѣтъ въ нѣкоторыхъ станахъ церковныхъ школъ; з) довольно халатное отношеніе къ дѣлу миссіи большинства православныхъ прихожанъ, между тѣмъ какъ у мусульманъ каждый татаринъ-торгащъ есть миссіонеръ своего дома („Астрах. Е. В.“).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ языки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сна и Свяго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1904.

Годъ двѣнадцатый.

ТОМЪ I.

№ 8.

А П Р Ъ Л Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1904

барашку, т. е. фунтовъ по 20 мяса и запивающіе эту волчью порцію десятками чашекъ кумыза. Обжорство въ степи въ большой чести и имъ можно даже прославиться. Нерѣдко устраиваются даже состязанія въ обжорствѣ, держутся пари и зрители на этотъ необыкновенный турниръ, на этихъ рыцарей обжорства смотреть не съ меньшимъ интересомъ, не съ меньшимъ восторгомъ, чѣмъ англичане на своихъ любимыхъ боксеровъ, или велосипедисты на своихъ прославленныхъ чемпионовъ.

И. Х.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мусульманская пропаганда среди киргизовъ Букеевской Орды.

Меньше столѣтія тому назадъ, почти все киргизы были язычники-шаманисты, и явись тогда сюда православный миссіонеръ—могли бы быть не только единичные случаи крещенія, но даже массовыя обращенія. Совсѣмъ иное представляетъ изъ себя степь теперь, когда наѣхали въ нее фанатики—татары, явившись здѣсь главными учителями киргизовъ въ области религіи, хотя въ то же время эти учителя пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обмануть простодушнаго и довѣрчиваго киргиза, къ чему чаще всего прибѣгаютъ они при продажѣ киргизамъ разныхъ религіозныхъ книгъ; — за какую-нибудь небольшую книженку, стоящую 1 ¹/₄—2 копѣйки, татаринъ запрашиваетъ 15—20 копѣекъ и если киргизъ начнетъ просить уступить, то татаринъ внушительно говоритъ ему, что въ законѣ не велѣно торговаться на религіозныя книги, такъ какъ каждая мусульманская книга есть списокъ съ небесной скрижали (лаухуль-махфуз): если-де ты и заплатишь что лишнее, это причтется за великую милость предъ Богомъ; сродный по религіи татарину киргизъ довѣряетъ ему вполнѣ. Чрезъ распространеніе массами среди киргизъ титарами мусульманскихъ религіозныхъ книгъ пропаганда ислама идетъ въ степи впередъ быстрыми шагами. Меня пора-

жаетъ масса книгъ, понятно большею частью религіознаго содержанія, пмѣющихся въ каждой лавкѣ и лавченкѣ татарина поселка Казанки,—при чемъ торговля этими книгами годъ отъ году здѣсь увеличивается, за чѣмъ я наблюдаю уже около 10-ти лѣтъ. Мало того, что масса книгъ сбывается чрезъ лавки поселка Казанки, нѣкоторыя зимы черкесы ходятъ прямо по улицамъ и каждому встрѣчному киргизу предлагаютъ купить книги, выписки изъ алкорана, виды Мекки, Стамбула и проч., тоже самое, думаю, продѣлывается и въ степи.

Кромѣ распространенія массами книгъ среди киргизъ, само собою понятно, по содержанію далеко не въ пользу православной миссіи, и даже пожалуй, нѣкоторыхъ и государству, пропаганда распространяется здѣсь и чрезъ бесѣды. Помимо того, что въ Казанкѣ татары и въ лавкахъ и на улицѣ при случаѣ ведутъ религіозныя бесѣды съ киргизами, они выѣзжаютъ еще съ товаромъ прямо въ степь, гдѣ уже и стараются обнаружить всю свою мудрость и знанія предъ киргизами, имѣя въ виду чрезъ это побольше поживиться отъ киргизовъ: здѣсь они и лечатъ, и отчитываютъ, чѣмъ и наживаютъ больше, нежели продажей товара... Хотя отъ г. Астраханскаго Губернатора и было циркулярное предписаніе Ордынскому начальству, чтобы татары не выѣзжали въ степь съ товарами, но не смотря на это—они всетаки разѣзжаются по степи довольно свободно, гдѣ и сѣютъ при случаѣ плевелы. Успѣшнѣе же всего мусульманская пропаганда распространяется здѣсь чрезъ сѣть мусульманскихъ школъ, всюду во множествѣ разбросанныхъ по степи подъ разными наименованіями, во главѣ съ знаменитой въ Казанкѣ медресе мѣстнаго столпа ислама ахуна Гатауллы Галикеева, этимъ воистинну главнымъ разсадникомъ мусульманскаго фанатизма почти на всю Букеевскую степь, у котораго напримѣръ въ 1903—1904 учебн. году обучается болѣе ста шакирдовъ, въ числѣ которыхъ есть отъ 7 до 25 лѣтъ, и учатся нѣкоторые уже по десяти и даже болѣе лѣтъ. Кромѣ медресе Галикеева въ Казанкѣ есть мектебе муллы-татарина Валія Рахметуллина, который въ іюнѣ мѣсяцѣ 1903 года умеръ, но дѣло его вмѣстѣ съ нимъ не умерло; его повелѣ зять муллы съ своимъ братомъ, который пріѣхалъ

сюда по смерти муллы изъ Казанской губерніи; съ дѣвочками же по прежнему занимается жена муллы; на западномъ концѣ поселка находится мектебе киргиза Зайнуллы Ихсангаліева, бывшаго въ Меккѣ, откуда киргизы возвращаются особо фанатичными;—это мектебе всего существуетъ только еще третій годъ и, кажется, развивается успѣшно, такъ какъ мулла нынѣшнимъ лѣтомъ построилъ уже на дворѣ особое для мектебе зданіе.

Года два тому назадъ на западномъ концѣ Казанки поселился еще одинъ фанатикъ-киргизъ, Кенжигалій Дастархановъ, біографія котораго не безынтересна; Дастрахановъ киргизъ-камышъ Самарской части, Букеевской орды, чуть не 15-ти ли лѣтъ онъ оставляетъ родительскій домъ и ѣдетъ въ знаменитыя въ Россіи Каргалинскія медресе, гдѣ изучаетъ мудрость ислама. По окончаніи здѣсь образованія, онъ около 30-ти лѣтъ исполнялъ должность „хальфе“ при медресѣ ахуна станицы Сламихинской, Уральской области, Галикеева, старшаго брата ахуна пос. Казанки, который пользуется слишкомъ большимъ авторитетомъ въ мірѣ мусульманскомъ Зауральской орды, а также и среди нашихъ киргизъ, сливущаго въ послѣднее время чуть-ли не святымъ, въ поясненіе чего сообщу одинъ разсказъ изъ жизни этого ахуна за 1902 годъ, который сообщилъ мнѣ казакъ пос. Бородина. Уральской области, Димитрій Строгановъ. Зашелъ онъ однажды ко мнѣ, какъ давно знакомый, и у насъ зашла между прочимъ какъ-то рѣчь о братьяхъ Галикеевыхъ,—Строгановъ и говоритъ: „да, много зла приносить ахунъ ст. Сламихинской, Галикеевъ, сильно онъ отатариваетъ киргизъ, всѣ поучившіеся у него не бываютъ уже такими простыми, какъ прежде, а выходятъ страшными фанатиками, не терпящими ничего не мусульманскаго и къ русскимъ уже относятся пренебрежительно, а какимъ ахунъ пользуется довѣріемъ со стороны татаръ и киргизъ, видно изъ того, что киргизы считаютъ его святымъ; мой работникъ—киргизъ прямо считаетъ его святымъ, а когда я сталъ было возражать противъ этого, онъ мнѣ разсказалъ такой случай: на праздникѣ Рамазанъ (послѣ уразы) 1902 года къ мечети собрались цѣлыя тысячи киргизъ и татаръ на „намазъ“ (молитву), ахунъ подошелъ къ одному киргизу и велѣлъ ему уйти, сказавъ, что

онъ не совершилъ какъ слѣдуетъ омовенія; какъ же это онъ узналъ, если не святой? добавилъ работники!“... И вотъ этотъ Кенжигалій Дастархановъ, по своей-ли волѣ, или по иниціативѣ бр. Галикеевыхъ, переходитъ въ Казанку, гдѣ строить домъ, открываетъ мыловаренный заводъ и по слухамъ—хочетъ открыть мектебе. Изъ краткой его біографіи видно, что онъ долженъ быть очень фанатичнымъ, что онъ и обнаруживаетъ при сношеніяхъ съ русскими:—одинъ торговецъ пос. Казанки, членъ церковно-приходскаго попечительства, Петръ Пономаревъ, говорилъ мнѣ, что онъ ужасно низко смотритъ на русскихъ, ставя ихъ на ряду съ калмыками,—ученики его будущей школы должны быть большими фанатиками. Кромѣ поименованныхъ школъ есть въ Казанкѣ и неизвѣстныя мусульманскія школы. Интересно расположеніе этихъ школъ: медресе Галикеева въ срединѣ поселка, а мектебе по краямъ, неподалеку отъ Министерскихъ школъ, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла въ послѣднихъ и насколько возможно парализовать ихъ дѣятельность. И въ этомъ я вижу хитрую политику мусульманской пропаганды. И въ другихъ поселкахъ Орды существуютъ тайныя и явныя мусульманскія школы, во множествѣ онѣ разбросаны и по всей Киргизской Ордѣ, и всѣ эти школы преслѣдуютъ одну цѣль—татаризацію Киргизскаго края: во всѣхъ нихъ дѣти, руководимыя фанатичными муллами, воспитываются въ строгомъ духѣ ислама, въ ненависти къ христіанамъ и вообще всему не мусульманскому; киргизы, поступая въ татарскія школы съ покрытыми волосами головами, начинаютъ брить головы, носить тюбетейки и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ и сами-то муллы крайне невѣжественны, не знакомые даже и съ исламомъ, не говоря уже о какихъ-либо наукахъ; вотъ они-то и набиваютъ головы своимъ питомцамъ разными бреднямъ, сообщая разную ложь за чистую правду, хотя въ нѣкоторыхъ муллами состоятъ окончившіе медресе Галикеева; эти уже болѣе правильно ведутъ пропаганду подъ наблюденіемъ даже самого ахуна.

Вообще татары поработили Орду духовно, поработали ее сначала и матеріально, пока не понаѣхали сюда русскіе и не стали добросовѣстнѣе продавать киргизамъ товары, что татарамъ, конечно, крайне непріятно и за что они сильно злобятся на рус-

скихъ, хотя и сдерживаютъ свой гнѣвъ, но были случаи, когда нѣкоторые изъ нихъ и вслухъ проявили свой гнѣвъ: „избить-бы здѣсь всѣхъ русскихъ“, кричалъ одинъ татаринъ зимою 1896 года, когда вышла непріятность между русскими и татарами. Понятно, при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя очень скрытно, со свойственнымъ татарину лукавствомъ, стараются они внушить киргизамъ ненависть къ русскимъ. Кажется уже всѣ киргизы (благодаря своимъ учителямъ) знаютъ, что тамъ гдѣ-то, у Султана, хранится знамя Мухаммеда и мечъ Алія, которые въ свое время будутъ нужны въ дѣло и тогда уже всѣ послѣдователи Мухаммеда должны соединиться подъ власть султана своего повелителя и на-мѣстника Мухаммеда и сражаться противъ кяфировъ, о чемъ мнѣ приходилось слышать самому лично отъ здѣшнихъ мусульманъ.

Приведу одинъ примѣръ, который довольно ясно покажетъ, чему учатъ нѣкоторые изъ муллъ своихъ питомцевъ, какимъ авторитетомъ пользуются между ними и съ какимъ довѣріемъ эти питомцы относятся къ каждому слову своего муллы.

Въ одинъ изъ декабрскихъ вечеровъ 1898—1899 учебнаго года, въ бытность мою учителемъ одной изъ Министерскихъ школъ пос. Казанки, я вошелъ въ классъ; одинъ изъ старшихъ учениковъ, Сейдашевъ, читалъ и объяснялъ мусульманскую книгу „хисса зархумъ“; оратора окружали со всѣхъ сторонъ другіе ученики; когда я вошелъ въ классъ, всѣ разбѣжались по мѣстамъ, а читавшій быстро спряталъ книгу въ столъ, но я попросилъ его продолжать чтеніе и ученики опять обступили насъ; будучи знакомъ съ киргизскимъ языкомъ, мѣстами я самъ понималъ читаемое, а что не понималъ, переводилъ Сейдашевъ. Въ читаемомъ мѣстѣ описывался одинъ случай изъ воинственныхъ временъ Мухамеда—читалось о поединкѣ отважнаго Алія (зятя Мухаммеда) съ Джанабелемъ изъ стана кяфировъ (язычниковъ, точнѣе же не мусульманъ, а Сейдашевъ переводилъ „русскихъ“). Мухаммедъ велъ войну съ однимъ языческимъ царемъ; когда непріатели сошлись, изъ стана кяфировъ вышелъ богатырь, сынъ царя, Джанабель и вызывалъ кого-нибудь на поединокъ изъ стана мусульманъ; выходитъ Алій, который былъ 40 чет-

вертей вышиною и 40 четвертей толщиною, Джанабель же былъ 20 четвертей вышиною и 20 четвертей толщиною. Бились они 4 дня и не могли одолѣть другъ друга; рѣшено было отдохнуть. И вотъ Джанабель съѣдаетъ сразу 45 барановъ, 100 калачей и выпиваетъ цѣлое озеро (куль) воды. Алій ничего не ѣлъ, а когда Джанабель спросилъ его, почему онъ ничего не ѣстъ, тотъ отвѣтилъ, что онъ надѣется на своего Аллаха. Потомъ Алій совершилъ „намазъ“ (молитву) и начался опять поединокъ. Алій взялъ своего противника, поднялъ, бросилъ вверхъ и тотъ исчезъ, а самъ пошелъ и объявилъ объ этомъ Мухаммеду. Потомъ Джанабель упалъ сверху, Мухаммедъ велѣлъ его позвать къ себѣ и сталъ уговаривать принять исламъ. Джанабель соглашается и дѣлается ревностнымъ мусульманиномъ. Отецъ посылаетъ къ нему второго сына, болѣе Джанабеля, который упрекаетъ брата за измѣну вѣрѣ, клянеть именемъ отца и увѣщаетъ отказаться отъ ислама, но Джанабель остается неумолимъ; братъ вызываетъ его на поединокъ, но Джанабель убиваетъ его. Отецъ посылаетъ 3-го и 4-го сына, но и ихъ постигаетъ та же участь; тогда отецъ посылаетъ сто тысячъ, но съ ними случилось тоже самое. Тогда отецъ видя въ этомъ помощь бога Мухаммедова, самъ принимаетъ исламъ.

Когда прочитанъ былъ этотъ рассказъ, я сталъ говорить; сначала я отвергъ переводъ (вѣрнѣе понятіе) Сейдашева, что подъ кяфирами разумѣются русскіе, доказавъ, что русскихъ въ то время не было, что Русское государство основано только въ 862 году, т. е. спустя уже болѣе 200 лѣтъ по смерти Мухаммеда. Далѣе я сталъ доказывать невѣроятность, вымышленность всей этой исторіи, особенно невѣроятность роста противниковъ и съѣденное Джанабелемъ послѣ поединка. Сначала со мною всѣ было не соглашались, смотрѣли на меня подозрительно и говорили, что прежде молъ были такіе люди и только послѣ многихъ моихъ объясненій, они какъ будто согласились со мной, но одинъ, Каліевъ, съ жаромъ заявилъ, что все имъ объ этомъ говорилъ мулла, когда онъ учился въ мектебе и не смотря на всѣ мои усилія, я не могъ разубѣдить его въ этомъ. Одинъ изъ старшихъ учениковъ сказалъ: „ну, этому я не вѣрю, а вотъ,

что Аллю Богъ далъ изърая коня и мечъ для истребленія кяфировъ, этому вѣрю“; онъ и всѣ ученики стали въ какомъ-то возбужденномъ состоянн. Я, видя, что дѣло заходитъ далеко, да уже и поздно, и сознавая, что особенно увлекаться въ школѣ съ интернатомъ такими бесѣдами не безопасно, да не будучи тогда и самъ корошенько знакомъ съ вѣроученіемъ ислама, сказавъ кое что о смиренн христіанскомъ и даже молитвѣ за враговъ, прекратилъ бесѣду. — Итакъ одинъ изъ учениковъ прямо заявилъ, что вся эта исторія сущая правда, такъ какъ объ этомъ говорилъ самъ мулла (съ этимъ, быть можетъ, были согласны въ душѣ и всѣ ученики, только высказаться такъ открыто и спорить съ учителемъ не смѣли). Изъ этого видно, что слово муллы, хотя, быть можетъ, и новѣжды, много значить для киргизъ, обучающихся у него; съ этимъ вполне можно согласиться, если прослѣдить за жизнью киргизъ, а особенно за обученіемъ въ мусульманскихъ школахъ, гдѣ встрѣчаются ученики 5—6 лѣтъ и какъ же не повѣрить такой малютка словамъ почтеннаго муллы, который въ его глазахъ чуть-ли не святой; вѣдь дѣтскій возрастъ самый довѣрчивый и воспримчивый; и вотъ съ такихъ-то лѣтъ муллы и набиваютъ головы киргизамъ разными бреднями, которые потомъ всасываются, какъ говорится, въ плоть и кровь, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мектебахъ, а особенно медресахъ шакирды учатся по 5—7 и даже по 10 и болѣе лѣтъ, откуда, само собою понятно, и выходятъ уже страшными фанатиками, нетерпящими ничего не мусульманскаго. Мусульманская пропаганда, особенно бр. Галикеевыхъ, здѣсь дѣйствуетъ такъ смѣло, что не ограничивается татаризаціей киргизъ, а старается простираť свои дѣйствія даже и на русскихъ, что ясно будетъ видно изъ нижеслѣдующаго факта.

Въ началѣ марта мѣсяца 1902 года въ Казанкѣ появилась какая-то загадочная личность—по внѣшности похожая на русскаго, но бритый, ходить въ мечеть, скрывается между татарами, постоянной квартиры не имѣетъ, а живетъ у татаръ у кого день, у кого два, отъ русскихъ скрывается... 26 марта ко мнѣ пришелъ торговецъ пос. Казанки Леонтій Праховъ и заявилъ объ этомъ, говоря, что онъ самъ слышалъ, какъ ночью

проходили мимо его лавки два татарина и одинъ рассказывалъ другому, что пришелъ какой-то русскій изъ Сламихина, Уральской области, гдѣ будто-бы онъ принялъ исламъ, названъ Айсоу, здѣсь ходитъ въ мечеть и ему, по приглашенію ахуна, собрали кое-что на первое обзаведеніе. Какъ слышно, продолжалъ Пракховъ, съ мусульманской вѣрой знакомилъ его ахунъ ст. Сламихинской, у котораго онъ сколько-то и жилъ, а потомъ тотъ препроводилъ его на попеченіе брата въ Казанку, какъ въ болѣе глухое мѣсто, гдѣ легче скрываться разнымъ проходивцамъ, не имѣющимъ вида на жительство. Выслушавъ это, я немедленно донесъ объ этомъ своему начальству и секретно представителю временнаго совѣта по управленію внутреннею киргизскою ордою; послѣдній предписалъ слѣдственному чиновнику 2-го участка орды г. Полянскому немедленно выѣхать въ Казанку и задержать Айсу. Когда пріѣхалъ Полянский въ Казанку, Айса былъ въ поселкѣ, но татары и киргизы, смѣкнувъ въ чемъ дѣло, вечеромъ же вывели его въ степь и слѣдственный чиновникъ догналъ уже его ночью въ 16 верстахъ отъ Казанки, увозимаго киргизомъ Кушпаномъ Ильчаевымъ; вернулъ его въ Казанку, гдѣ и сдѣланъ былъ коротенькій допросъ о его личности, при чемъ оказалось, что „Айса“ крестьянинъ Самарской губерніи, Новоузенскаго уѣзда, слободы Малаго Узеня Александръ Алексѣевъ Ключинъ, оставилъ жену и 7 мѣсяцевъ дочь. Отсюда Ключинъ былъ отправленъ въ Ханскую Ставку, а оттуда, какъ неимѣвшій вида на жительство и опредѣленныхъ занятій, этапнымъ порядкомъ въ распоряженіе г. Новоузенскаго исправника для удостовѣренія личности и водворенія въ общество... Болѣе о Ключинѣ мнѣ ничего неизвѣстно. Когда Ключинъ былъ еще въ Казанкѣ, ахунъ хотѣлъ отправить его въ степь, къ морю, верстъ за 150 отъ Казанки, но Ключинъ не согласился, онъ просилъ письма у ахуна къ тѣмъ киргизамъ, къ кому онъ хотѣлъ его направить, но ахунъ, будучи человекомъ очень осторожнымъ, на это не согласился; ахунъ же успокаивалъ бѣглеца, когда тотъ говорилъ, что не имѣетъ паспорта. Фактъ описанъ очень коротко и просто, но изъ него ясно видно, какъ смѣло пропагандируютъ исламъ въ степи бр. Галиксовы. И чѣмъ же

окончился такой важный фактъ? Ничѣмъ. Отчего-бы поподробнѣе не узнать, что побудило Ключина на отступничество: куда онъ прежде всего обратился? кто и какъ научалъ его исламу? какъ попалъ въ Казанку? какъ здѣсь былъ принятъ ахунномъ и татарами? кто принималъ въ немъ болѣе участія? и пр. Быть можетъ здѣсь было бы можно и полезно наказать кого-либо, дабы впредь не повадно было и за совращеніе и за укрывательство безъ вида на жительство...

Изъ сказаннаго мною видно, насколько сильно вліяніе татаръ и муллъ на киргизъ, какимъ большимъ авторитетомъ пользуются они среди этихъ дѣтей степей. Для киргизовъ, знающихъ пока вѣру мусульманскую еще плохо, татары, въ особенности же муллы, представляются настоящими столпами ислама, устами которыхъ говоритъ сама мудрость. Посему во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ жизни, нѣкоторые киргизы рады зазвать къ себѣ татарина, а особенно муллу и готовы уже во всемъ слѣдовать его совѣту,—послѣдніе же умѣло изъ этого извлекаютъ для себя пользу и всѣ мѣры прилагаютъ, чтобы еще болѣе усилить и расширить это вліяніе. Для этого они стараются подорвать уваженіе и довѣріе киргизъ къ русскимъ, наговаривая на нихъ разныя небылицы и представляя ихъ непримиримыми врагами ислама. По этому-то, если въ противовѣсъ ихъ пропагандѣ не будетъ въ скоромъ времени усилена здѣсь православная миссіонерская дѣятельность, татары въ недалекомъ будущемъ успѣютъ окончательно подчинить своему вліянію всѣхъ киргизъ, совсѣмъ поработятъ ихъ въ религіозномъ отношеніи и тѣмъ въ конецъ всю степь отатарятъ. И тогда уже гораздо труднѣе и бесплоднѣе будетъ въ степи проповѣдь православныхъ миссіонеровъ¹⁾.

Свящ. Іоаннъ Сиротовъ.

¹⁾ Изъ „Астрах. еп. вѣд.“.